

1 руб.

Т 759464

+Кр

Д. Ольхон

Красное книжное издательство
Красноярск — 1947

АГАПОВ
Алексей
Петрович

Анастасий
Ольхон

Т 759464

ЕПИСКОПСКАЯ
ЛЕГЕНДА

БЕЛОГОРСКИЙ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ПОДАШЕНО

КРАЕВОЕ КНИЖНО-ИЗДАТЕЛЬСТВО
КРАСНОЯРСК 1947

А-379

1002

II.

...На Курейке это было, на Курейке...
Жил тогда один Бедняга в зимовейке.
В зимовейке, в пустолесье жил да был,
Туруханскую сельдьятку он ловил.

Туруханскую сельдьятку
Промышлял он по достатку,
А достаток рыбака —
Два долбленных челнока.

Много выловишь — не вынешь:
Сеть изодрана, стара.
Мало выловишь — погинешь,
Как придет зимы пора.

Бедовал рыбак, томился,
В зимовейке горевал;
На реке весь день возился,
Рыбу в сеть подстерегал.

По весне пилил бревнища,
Весла к лету мастерил,

Для бочат готовил днища,
Трубку длинную курил.

Лютой стужей у печурки,
Солнца ожидаючи,
Плавника сухие чурки
Расщеплял играючи.

Словом, был он работяга,
Хоть по возрасту старик...
Жил и прозвищем — Бедняга —
Огорчаться не привык.

Толковал себе дедуня,
— Мол живу не первый век.
С той поры, как ветер дует,
Не был счастлив человек.

Счастья нет простому люду,
Мы зовемся: голытьба.
Жизни нет другой; отсюду
Супротив идет судьба.

Стало быть, и мне, седому,
Суждено так на роду —
Быть голодну и худому,
Не изжить никак беду.

Туруханскую сельдьятку
Наловлю да напорю;
Измотаюсь до устатку,
В пустоплесье и помру...

Сам с собой такие речи заводил он в зимо-
вейке...

Это было в Заполярье, это было на Курейке.

II.

...На Курейке это было, на Курейке...
Приставала в берег лодка к зимовейке.
Лодка с парусом, дощаная, с венцами;
Лодка царская, казенная, с гребцами.

Из той лодки выбегали конвоиры —
Хуже не было злодеев по Сибири —
Все брыластые, щербатые лукавцы,
Все опричники жандармские, сквернавцы.

Позади их вылез главный генерал,
На погонах — двоеглавые орлы.
Только вылез он на берег, заорал,
Вынул грамоту цареву из полы.

Тут из лодки, из казенной, из дощатой
Конвоиры выводили воровато —

Все с опаской,
Да с оглядкой,
Да с пронырой —
Человека выводили конвоиры.

Был он ростом и плечами крепок ладно
И одет был по-простому, не нарядно:
На рубахе наволочной медна пряжка,
Сапоги на нем смазные и фуражка.

Вышел на берег, на солнце улыбнулся
И спиною к генералу повернулся.
Осерчал, надулся главный генерал
И указ царев в три глотки заорал.

Ну, известно, у жандармов сказ недолог:
Так и так, значит, царев заклятый враг
Поселяется Иосиф Сталин на Курейке,
В этом самом; значит, дальнем зимовейке.
Поселяется отныне и навеки — навсегда:
Ни пути ему, ни тропки никуда.

Чтоб никто не смел его кормить или дарить
И речей с ним по-знакомому водить.
Пусть загинет царский неслух в зимовейке.
...На Курейке это было, на Курейке...

III

...На Курейке это было, на Курейке...
Отдыхал товарищ Сталин в зимовейке,
В зимовейке поджидал он рыбака,
Ел сельдятку туруханску с уголька.

Зимовейко грязновато, неприглядно,
Пузырем закрыта рама-наколотка.
Нара тесаная, чурочка да складня,
Закопченное ведро да сковородка,
Сети драные, багорчики да нитки —
Вот и все в виду рыбацкие пожитки.

Неприглядно зимовейко, да приветно.
Вечерком хозяин к дому подобрался,
Поклонился гостю он ответно,
Поздоровкался и вкрест поцеловался,

Угостил его духмяною ухую,
Напоил его брусничною водою,

Напоследок по-душам поговорил,
Подав трубку таволожну: покури!..

Самосадам, енисейским корешком,
Продымили они избу с потолком:
Был горазд курить любезный гость,
А хозяину давно так повелось.

Утром гость пошел с Беднягою рыбачить,
Греб веслом заправски, деловито;
Принесло на тони к ним удачи —
Осетрины и сельدياتки маховито.

С той поры у них пошла такая жизнь —
Будто старые знакомые сошлись,
Нара общая и трубочка одна...

Это было, братцы, в давни времена,
Это было в самом дальнем зимовейке,
...На Курейке это было, на Курейке.

IV.

По заимку бродят выюги на Курейке,
Куропатки жмутся ближе к зимовейке
В темной хате старикана-рыбака
Жарко теплится загнета камелька.

С полуночи дует сиверко-сквозняк,
Старый невод чинит вечером рыбак,
Чинит невод, крутит нитку на обмот
И беседу с гостем длинную ведет:

— Ты скажи, о чем задумался давно?
Что ты пишешь, дорогой мой, милый гость?
Расскажи, если тебе не все равно,
Может, горюшко какое завелось?..

Гость у столика дощатого сидел, —
Вечерами при лучине он писал, —

Улыбнулся стариковской бороде
И такую речь ответную сказал:

— Догадался ты, старинушка, как раз,
Горе есть одно с тобой у нас:
Горе тяжкое — народная судьба,
Дума важная — народная борьба.

Тяжело тебе, Бедняге, и другим.
Жизнь несладкая, неладная идет,
Всюду кичатся народные враги,
Перемучился, заплакался народ.

Вот и думаю, старинушка, одно:
Надо вывести людей на светлый путь.
И борюсь за это дело я давно,
И не может мое сердце отдохнуть...

А пишу я книгу жизни новых лет.
Близко время, ждут товарищи мои.
Скоро ты, старик, увидишь свет,
Только тайну эту крепко затаи.

Слышу я, как просыпается народ.
И крестьяне, и рабочие встают:
Мать-земля мне вести подает,
Ветры грозные над миром бой ведут.

Как начнется буря, грянет гром,
Против нас никто не устоит:

Мы народ дорогой новой поведем, —
Вот о чем, старик, раздумьяца мои...

Обмахнул глаза Бедняга рукавом,
Сеть повесил перед самым камельком,
Обнял гостя и низенько поклонился:
— Ты прости, — по-стариковски прослезился.

— Взяли за душу меня твои слова,
Поседела от ненастья голова,
Сотню лет живу, без малого, на свете,
Не слыхал речей таких, как эти...

Научи меня бороться за свободу,
За тобой, дозволю, пойду в огонь и в воду!
Пусть не сгинет жизнь моя напрасно в
зимовейке...

...На Курейке это было, на Курейке.

VI.

...На Курейке это было, на Курейке...
Белой ночью стало пусто в зимовейке.
Белой ночью, пустоплесем, по протокам
К Енисею вышла лодка издалека.

Вышла лодочка-долблянка с парусочком,
Шелестела через отмели песочком,
По струе пробилась к югу, к Турухану,
Прямо шла она по ветру, по туману.

Оплывая на заливчиках коряги,
Шла долблянка в енисейских изворотах.
На руле ее сидел старик Бедняга,
А товарищ Сталин веслами работал.

Днем рыбачили они в затонах,
На костре уху себе варили,

Отдыхали на обрывах-крутосклонах,
И ногами потихоньку дальше плыли.

В Туруханске настигала их погоня,
Лютовали полицейские собаки,
Понадеялись, что скоро их догонят,
Объявили все их признаки и знаки.

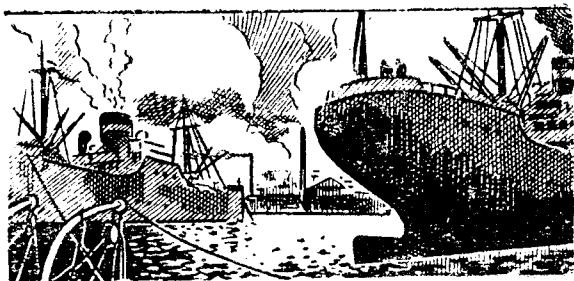
Наградим, дескать, ловите поскорее,
Захватите их на лодочке умело...
Ну, да не было людей на Енисее,
Кто пошел бы на предательское дело.

Мать-земля сама их укрывала —
Укрывала их туманом без прогляда.
Мать-вода на шиверах им помогала —
Отводила их струей от водопада.

Так ушли они без следу, неизвестно,
И до самого семнадцатого года
Кочевали на посельях повсеместно —
Среди бедного сибирского народа.

И до сей поры толкуют старожилы,
Енисейские ловцы и работяги,
Как давно когда-то вместе жили
Вождь народов и старик-рыбак Бедняга.

Как они когда-то жили в зимовейке.
...На Курейке они жили, на Курейке...

VI.

Городок растет на месте зимовейки.
Самолеты пролетают вдоль Курейки.
На графитных заполярных рудниках
Звонки утренние рокоты гудка.

Ледоколы вышли в новые походы.
На Игарку уплывают пароходы.
И широкой тундровой тропой
Пастухи оленей гонят к водоюю.

В Заполярье жизнь шумит большая, —
Оживают дебри и берлоги,
Ледовые горы разрушая,
Протянулись новые дороги.

Вечно будет солнце в нашем мире,
Не вернуться сумерки былого.
И по всем окраинам Сибири.
Славят люди Сталинское слово.

Славят люди Сталинское дело,
Книгу жизни гордую читают.
И о том, что в бурях прогремело,
Все народы в песнях вспоминают.

И поют певцы на Енисее,
И ведут сказанья старожилы
Про того, кто тьму ночей рассеял...
(Эти сказы мы в напевы положили).

Он Отцом Народов назван тундрой.
Наш учитель и простой, и величавый,
Славен он своею силой мудрой,
Вечен он своей народной славой.

Про него слагаются былины,
Сказы чудные, легенды и преданья.
Помнят чащи и нагорья, и пустыни,
Где когда-то он бывал в своих скитаньях.

Говорит одно сказанье, будто ныне
С ним в Кремле живет Бедняга старый,
И в столице, нашей родины твердыне;
На беседу с ним приходят комиссары.
— С ним народ
И он с народом воедино.

Неразрывна эта сила в новом мире!..
Так сказал мне, расчесав свои седины,
Древний сказочник на севере, в Сибири.
Я запомнил его дедовское слово,
Как сидели мы в ловецком зимовейке.
Записал я эти сказы рыболовов
Белой ночью в Заполярье, на Курейке.

Редактор *Э. Семизук.*
Технический редактор *К. Черноризкий.*
Рисунки художника *Р. Руйга.*

Сдано в производство 18 марта 1947 г.
Подписано к печати 28 марта 1947 г.
Учетно-автор. листов 0,4. Печатных листов
0,5. Формат бумаги 70x108 $\frac{1}{32}$

АЛ00050. Тираж 10.000 экз. Заказ № 1158.
г. Красноярск, тип. «Красноярский рабочий», проспект имени Сталина, 55.

